

● Председатель

Ульянов Наш телефонный разговор с Михаилом Александровичем был, увы, коротким. «После...» — сказал он, не расшифровывая. Но мы-то поняли: речь шла не только о сегодняшнем юбилейном вечере в его единственном на всю жизнь Вахтанговском театре, но и тех встречах, поздравлениях... застольях, которые ему надо пережить в дни своего 70-летия. Зная Ульянова много лет, понимаем, что для него, человека огромного масштаба личности и таланта эти дни — время осмыслений, многих и, нетрудно предположить, не всегда веселых мыслей о времени и о себе. «Вечерняя Москва» поздравила выдающегося артиста с днем рождения. Пожелала ему всего, что можно пожелать замечательному современнику, чьим искусством всегда освещалась наша жизнь. — «Вечерка»? Отдел культуры? — переспросил он и твердо пообещал найти время в конце недели. Ловим вас на слове, дорогой Михаил Александрович!

Если правда, что формирование человека начинается еще до его рождения, то выбором профессии я обязана Михаилу Ульянову. По молодости мои родители много ходили по театрам, и накануне моего рождения отправились в Вахтанговский на один из самых шумевших тогда спектаклей «Антоний и Клеопатра» с Юлией Борисовой и Михаилом Ульяновым в заглавных ролях. На следующий день маме было уже не до театра и даже не до Ульянова, потому что пришла пора ехать в роддом. Я не знаю, хороший ли это был спектакль (не видела, хотя, наверное, слышала) — судя по рецензиям, многих тогда шокировал нарочито заземленный образ императора — гуляки и солдата, закоренелого циника и наивного человека, умиравшего от любви к египтянке Клеопатре. Знаю только, что со временем в семейных разговорах нам с Михаилом Александровичем стало отводиться примерно поровну времени. Дескать, ах, как же тогда играл Ульянов (далее следует подробный рассказ). Ну а на следующий день ты, мол, и родилась.

Умение перевоплощаться — одно из самых больших чудес в актерской профессии. Есть актеры одной темы, нескольких оттенков одной и той же краски (что уже немало). А есть актеры, которым доступна вся палитра. Михаил Ульянов из их числа. Последней ролью Ульянова (на сегодняшний день, разумеется) стал Юровский из фокинского спектакля по Радзинскому «Последняя ночь последнего царя». Как жалко шаркал тапочками по Кремлевской больнице этот главарь расстрельщиков царской семьи. Как униженно кланялся таблеточку, за которую готов был душу дьяволу продать. Как упрямо не давал расшевелить в себе остатки человеческой души, прикрываясь, как ему казалось, правдой истории. Актер, сыгравший рекордное количество правителей, полководцев, деспотов и фанатиков, беспощадно подводил итог судьбы тех, для кого человеческая жизнь сама по себе не имела никакой ценности и легко приносилась в жертву то ли идее, то ли просто жажде власти. Итог этот — чужая больница, чужие лица вокруг, безликие убийцы, которые безразлично и хладнокровно избавляются от тебя. Нельзя было не восхититься таким умением перевоплощаться. Нельзя было и не заметить, какая радость таилась где-то под слоем роли, под слоем естественного личного презрения актера к своему персонажу — радость от того, что он снова играет премьеру, что на бесконечной лестнице театра пройдена еще одна ступенька.

Двухдневный съезд союза театральных деятелей в прошлом году готов был изменить собственный устав и вообще пойти на что угодно,

лишь бы выбрать Ульянова в третий раз своим председателем (президенту бы такое единодушие!). Ведущие актеры, не обращая внимание на список кандидатов, поднимались с места и все выдвигали и выдвигали Ульянова, а потом аплодировали ему стоя за его ежедневное — в течение десяти лет — спасение союза, когда Ульянов твердо (кажется, только он умеет быть так предельно вежлив и при этом так каменно

Рабочий сцены. ОН ЖЕ МАРШАЛ

тверд) отклонил свою кандидатуру и сказал: «Я больше не могу и прошу понять меня».

Он никогда не стремился к власти — это видно сразу, это не сыграешь. Просто доверие, которое он вызывал всегда, не могло не обернуться ответственностью, которая все больше ложилась на его плечи. А он не мог, как говорится, заняться спортом для укрепления собственного здоровья или концертами для утолщения собственного кошелька. И он брался, этот актер от Бога, — за членство в Центральной ревизионной комиссии КПСС, за руководство СТД, за руководство театром. После того как театр выбрал Ульянова своим художественным руководителем, ему позвонил Лавров и, поздравив, спросил: «Ты что, с ума сошел?». «Наверное, он был прав», — согласился тогда Ульянов, но отказать ему бы и в голову не пришло. (На одной фотографии он сидит в гримерной в антракте, накинув халат на костюм, и разбирается с бумагами.)

Он никогда не стремился к власти не только потому, что это было чуждо его вольной сибирской натуре, но еще и потому, что актерски исследовал власть от «винтикообразных» исполнителей до полководцев и императоров, как никто другой. Ленин в спектакле Стурва «Брестский мир» — человек, обладающий высшей властью, который не знает, что ему делать с душой, властитель, уставший побеждать. Наполеон в спектакле Эфроса с его душевным разладом императора, у которого растет абсолютная власть и ускользает реальная. «Председатель» Егор Трубников — художественное порождение XX съезда, одна из лучших ролей Ульянова. Степан Разин в спектакле Черняховского по Шукшину — лидер, захотевший дать

Веч. Москва. - 1997. 20 ноября. с. 16

подчиненным волю и страдающий от того, как мало она им нужна, как ограничена и бедна человеческая натура. Ричард III, где артист гротескно и страшно исследовал болезнь человечества под названием деспотизм, исследовал, как тогда писали, медленное сползание людей в ряд нелюдей. Директор завода Друянов из пьесы Вейцлера и Мишарина «День денской» — абсолютный бескорыстный руководитель, эталонный «юродивый» в директорском кресле, в совершенстве изучивший язык дела и язык демагогии (что подделаешь, руководитель любого масштаба должен был уметь на нем изъясняться). Николай Серебренников из спектакля Евгения Симонова «Равняется четырем Франциям», сожалеющий, что Сталин не оставил преемника, не сохранил системы, — один из самых страшных представителей власти, сыгранных Ульяновым. Абрикосов из фильма «Частная жизнь» (приз за лучшую мужскую роль на Венецианском фестивале) — руководитель, привыкший командовать и побеждать столкнулся вдруг с собственной ненужностью, с непониманием в семье, с необходимостью начать новую жизнь. Гротескный командующий Горлов из «Фронта» Корнейчука, бравирующий старыми заслугами и танцующий вприсядку между двумя стульями, угодливо подставленными ему подчиненными. Множество Лениных, Сталин, ну и, конечно, маршал Жуков.

Так повелось, что у нас обычно представителям власти — реальным ли, сыгранным ли — верили мало. А Ульянову верили — потому что был достоверным, потому что никогда не снимал ответственности с себя. Журналист, трепеща от профессионального удовольствия, задает «каверзный вопрос» — про

прекрасные слова в адрес Брежневых, сказанные Ульяновым. Не хотите, мол, каяться надо, волосы на себе рвать. Ведь мы, как рабы, готовы были петь хвалу в адрес любого. А от того, что я покаюсь и скажу, что, ах, я бедняга, был запуган, не знал... От этого ведь движения вперед не будет. И я вам скажу, почему. Потому что каяться — это вроде как «извините меня, пожалуйста». А вот если я хоть малую лепту внесу в то, чтобы такое больше не повторялось...»

И вносил, и продолжает вносить, и немалую.

Но одной только темой власти, пусть даже и изученной им со всех сторон, феномен актерского пути Михаила Ульянова не ограничивается. Мне кажется, это даже и не главная его тема. Ведь в его актерской коллекции есть и отчаянный Дмитрий Карамазов, больше всех других братьев вызывающий сочувствие. Бессмертный Бригелла из визитной карточки театра «Принцессы Турандот», Сергей из «Иркутской истории» Арбузова, Виктор из «Варшавской мелодии» Зорина. Трагический генерал-клоун Чарнота из «Бега», идущий в одних подштанниках по роскошному Парижу...

Михаил Ульянов всю жизнь остается верен себе (а это не так просто, и он этого не скрывает). Верен одной семье. Одному театру (как поступил в Щукинское училище, так и остался навсегда «щукинским сыном» — артистом Вахтанговского театра). Одному призванию (какую бы ответственность ни взваливал он на себя и как бы честно ее ни отработывал, он может сказать про себя только: «Работаю актером». Так же называется и его книга).

И потому мы верим ему.

Ольга ФУКС

Ульянов Михаил

до. 11.97